

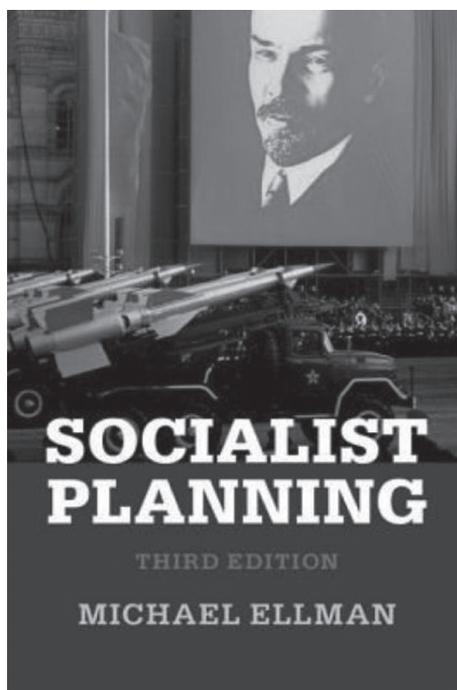
Памятник командной экономике

Майкл Элман, автор книги «Социалистическое планирование», почетный профессор Амстердамского университета, широко известен и пользуется заслуженным авторитетом среди исследователей советской экономики и экономики других бывших социалистических стран. Он начал заниматься этими исследованиями в середине 1960-х годов и, таким образом, является их ветераном. Его исследования всегда отличались глубиной аргументации, объективностью и взвешенностью суждений, большой эрудицией. Что очень редко среди исследователей, он прекрасно разбирался в экономике не только Советского Союза, но и других социалистических стран, а также в теоретических проблемах командной экономики в целом, притом не только в текущем их состоянии, но и в исторической перспективе. Именно эти качества позволили ему еще в конце 1970-х годов взяться за тяжелую задачу написания учебника по социалистическому планированию.

Первое издание, вышедшее в 1979 году, имело огромный успех: оно было переведено в Голландии, Бразилии, Италии, Японии, Мексике и Китае. Второе появилось в 1989-м и отразило начавшиеся в социалистических странах экономические реформы. И вот теперь перед нами третье издание.

Сам факт публикации третьего издания учебника, посвященного, казалось бы, ушедшему в далекое прошлое историческому феномену, знаменателен. Он говорит о неугасающем на Западе интересе к этому

Ellman M. *Socialist Planing*. 3 ed. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2014. 440 p.

ХАНИН Гирш Ицкович — профессор кафедры экономической теории Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), доктор экономических наук.

важнейшему периоду мировой экономической истории. Скорее всего он стимулирован также растущим разочарованием в капитализме среди части населения даже развитых стран и научных работников (о последнем, в частности, говорит огромный успех книги Т. Пикетта «Капитал в двадцать первом веке»). Он совпал с возросшим интересом к этому периоду и в России, где все чаще выходят работы с экономическим анализом особенностей хозяйственной жизни этого периода, стремлением к учету сделанных ошибок в новой попытке возродить социализм в России и других странах бывшего СССР¹. По уровню и широте экономического анализа я могу сравнить эту книгу только со знаменитой работой Яноша Корнаи (1992)². Близки они и по кругу рассматриваемых вопросов.

В книге Элмана учтена многочисленная историческая и экономическая литература, вышедшая в бывших социалистических странах в 1990—2000-е годы и позволившая глубже и точнее отразить механизм функционирования хозяйства этих стран в период командной экономики. Отмечу, что заголовок выглядит уже действительного содержания работы, на самом деле посвященной политической экономии социализма в широком смысле с большим упором на методiku планирования.

Являясь учебником, книга содержит традиционные для такого рода пособий выводы к каждой главе и списки литературы для более углубленного изучения. Текст содержит обширный исторический очерк о возникновении и эволюции командной экономики вплоть до ее гибели в конце 1980-х годов, описание и анализ ее традиционной модели, попыток ее реформирования, ряд глав об отдельных аспектах ее планирования и функционирования (военно-промышленный комплекс, инвестиции, сельское хозяйство, труд и доходы населения, личное потребление населения, международная торговля) и общую оценку как особой экономической системы.

Впервые в книгу включена глава о военно-промышленном комплексе, что отражает и понимание его огромного значения, особенно в экономике СССР; автор обобщает сведения о его состоянии, ранее отсутствовавшие в литературе. Конечно, нельзя объять необъятное, но вызывает сожаление тот факт, что в работе относительно слабо рассмотрен вопрос о планировании и функционировании кредита и денежного обращения, а также цен, которые играли важную роль в экономике этих стран. Важное значение имело и планирование материально-технического снабжения. Некоторые советские экономисты (Павел Медведев и Игорь Нит) считали эту систему даже самой главной в советском экономическом механизме.

Книга опирается на огромный объем фактов. Здесь представлены не только традиционные для научных работников статистические сборники и труды коллег, но и журнальные и газетные статьи. Меня поразили ссылки на статьи выдающегося советского журналиста Василия Селю-

¹ См., например: **Беляев Л. С.** Очерки политической экономии социализма. Иркутск, 2013.

² См. **Kornai J.** The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton etc.: Princeton University Press, 1992.

нина в «Экономической газете» (1968) и в журнале «Наш современник» (1981), а также на художественные произведения — например, на известный роман Александра Бека «Новое назначение». Кроме того, меня, прожившего всю жизнь в СССР, поражает прекрасное знакомство автора с повседневной жизнью советских людей на различных этапах советской истории; оно кажется столь исчерпывающим, как будто автор и сам жил в те времена в Советском Союзе. Это же наблюдение справедливо и применительно к повседневной жизни других социалистических стран. Исследователь осмысляет опыт экономического, политического и социального развития не только СССР, но и практически всего остального социалистического мира, хотя особое внимание оправдано уделяется самым крупным государствам — СССР и Китаю.

Отмеченное многообразие источников — хороший пример для подавляющего большинства российских и западных экономистов, опирающихся в своих произведениях на очень ограниченный круг информационных ресурсов. При этом среди авторов научных работ, на которые ссылается Элман, преобладают либо западные экономисты, либо эмигранты из социалистических стран. Это, на мой взгляд, точно отражает факт глубокого и далеко еще не полностью преодоленного (а иногда и усилившегося) отставания уровня экономической науки в бывших социалистических странах от мирового уровня.

Даже очень подготовленный экономист найдет в книге много неизвестного ранее. Только в качестве примера отмечу расчеты английского экономиста П. Уайлса, М. Алексеева и К. Джеджи о распределении доходов в СССР в 1966 году и коэффициенте Джини в 1980—1990-е (см. Р. 272, 274). Из первой следует, что даже в начале 1970-х годов, после уплаты налогов, соотношение доходов 5 процентов самых богатых и самых бедных в социалистическом СССР (см. Р. 238, 208) было большим, чем в капиталистических «государствах всеобщего благосостояния» — таких, как Соединенное Королевство (5,0) и Швеция (3,0); но заметно меньшим, чем в более либеральных США (12,7) и Канаде (12,0). Думаю, что в 1930—1940-е годы дифференциация доходов в СССР была значительна большей за счет более высокой разницы в официальных и нелегальных доходах, а также привилегий. Остается ждать таких расчетов.

Автор книги вводит в научный оборот архивные данные о таком малоизвестном аспекте экономического развития СССР, как смертность от несчастных случаев на производстве. В полной мере признавая достижения Советского Союза в области социального обеспечения, он констатирует тяжелое положение со смертностью от несчастных случаев. Эти данные, ввиду их неблагоприятного характера, не публиковались с конца 1920-х годов и впервые за отдельные 1980-е годы были опубликованы только в 1990-м. В специальной таблице дается статистика таких смертей в целом по производственным отраслям экономики и отдельно по угольной промышленности (в последней также относительно численности занятых) начиная с 1944 года (см. Р. 238).

Из таблицы видно, что число смертей такого рода начало уменьшаться только в годы перестройки. В относительном же выражении число

смертельных случаев в СССР даже в 1985—1990 годах оказалось выше, чем в США в 4—4,9 раза и в 6 раз больше, чем в Великобритании (см. *Р.* 239). Понятно, что производственным смертям соответствовали во много раз большие размеры всего производственного травматизма. Отмечу, что приведенная таблица выиграла бы в убедительности и наглядности, если бы была дополнена за все годы данными о численности занятых, которые опубликованы и вполне доступны. Это позволило бы исчислить относительные данные за все годы и выявить тенденции изменения важнейшего показателя. Сам Элман обоснованно объясняет эти печальные данные слабым вниманием к технике безопасности и отсутствием независимого профсоюзного движения.

Даже такой ужасающий факт экономической истории социалистических стран, как голод в Китае в 1958—1962 годах, Элман помещает в историческую перспективу, отмечая еще большие относительные масштабы голода в Ирландии в 1840-х (см. *Р.* 208).

Ключевые аспекты экономического развития анализируемых стран Элман рассматривает исторически: от идей, разрабатывавшихся классиками марксизма-ленинизма, до их модификации (а часто — отторжения из-за утопичности) в процессе их практического воплощения.

Впрочем, соблазнительно, но непродуктивно анализировать книгу по предметному признаку или в порядке изложения автором. Для читателей, как мне кажется, более полезно остановиться на ключевых проблемах и идеях, обсуждаемых автором.

Место социалистической экономики в мировой экономической истории

Многочисленные сторонники социализма в бывшем СССР (в меньшей степени в странах Восточной Европы), до сих пор ностальгирующие по его утрате, ждут от книги крупнейшего зарубежного специалиста ответа на вопрос, являлось ли крушение социализма неизбежным или его можно было сохранить, модифицировав отдельные механизмы и устранив наиболее вопиющие недостатки — как поступал и капитализм в период своих экономических и общественных кризисов.

Волнует этот вопрос и сторонников социалистических идей в капиталистическом мире. Изложу, как я ее понял, позицию автора. Элман не принадлежит ни к фанатичным сторонникам социализма, ни к его оголтелым противникам, которых немало даже среди научных работников, не говоря уже о простых гражданах, в бывших социалистических странах. Он прекрасно видит многочисленные пороки экономики и политики «реального социализма» и преступления, совершавшиеся в отношении прав и жизни людей. В книге содержится огромное количество свидетельств этих пороков применительно к разным областям экономической жизни. Автор констатирует историческое поражение командной экономики в соревновании с капиталистической, особенно в отношении эффективности производства, собственного научно-технического прогресса, доступности для населения потребительских то-

варов. (Отметим: здесь было бы уместно привести сравнение макроэкономических показателей этих стран со странами рыночной экономики. Это сделало бы вывод более убедительным.)

В целом по общим темпам экономического роста социалистические страны за длительный период времени не уступали многим странам рыночной экономики, но их экономический рост носил преимущественно экстенсивный характер и поэтому должен был захлебнуться, что и произошло в 1980-е годы. Возможно, более оправданным было бы сравнение результатов экономического развития большинства социалистических стран не с передовыми капиталистическими странами, а с относительно развитыми развивающимися странами (такими, как Мексика, Бразилия, страны Центральной и Восточной Европы перед Второй мировой войной), куда их правомерно было бы отнести по уровню экономического развития в начале социалистического периода. Это сравнение, возможно, привело бы к более благоприятным выводам для стран «реального социализма», с учетом дифференциации доходов.

Автор подробно анализирует сильные и особенно слабые стороны традиционной модели командной экономики. Он отмечает: «Социалистическая плановая система имеет ряд важных достижений. Внедрение массового производства в советскую промышленность значительно увеличило производство в ряде ключевых отраслей, таких, как металлургическая и нефтяная промышленность. Она произвела огромное количество оружия, необходимого для победы во Второй мировой войне. Обеспечила полную занятость. Запустила первый в мире спутник. Она произвела огромные инвестиции в человеческий капитал. Ее образовательная система (за исключением гуманитарных наук) была хорошей по мировым стандартам и выпустила огромное число квалифицированных кадров. В 1950-е годы она переживала “золотой век”, опережая по темпам роста США и Великобританию» (Р. 12). К этим достижениям я бы добавил модернизацию мусульманских республик СССР, несравненно опередивших в этом отношении зарубежные страны исламского Востока.

Особенно большие достоинства социалистического планирования отмечает Эллман применительно к периоду Второй мировой войны (см. Р. 14—16). Он обращает внимание на огромное влияние социалистического планирования на весь мир, выразившееся, в частности, в попытках организации планирования в ряде развитых и развивающихся стран после Второй мировой войны (см. Р. 18). Вместе с тем Эллман вскрывает огромные недостатки традиционной модели социалистического планирования. Их перечень, приводимый в книге, является достаточно полным и впечатляющим даже для экономистов и граждан бывших социалистических стран, знакомых с ними отнюдь не только по литературе (см. Р. 32—40). Ученый раскрывает глубинные причины этих пороков социалистического планирования (см. Р. 40—49), отмечая, что на них указывалось еще до Октябрьской революции Пирсоном и Бароном, а сразу после нее — такими критиками социализма, как Мизес и Хайек. К ним Эллман относит лишь частичные знания о ситуации в экономике из-за сознательного искажения подчиненными общей картины. Сюда

же он относит несовершенную технику планирования столь сложной и быстро изменяющейся системы, каковой несомненно является национальная экономика. Все это усугублялось сознательными, предпринятыми в пропагандистских целях, огромными искажениями макроэкономической статистической информации, что проявилось с 1928 года в СССР, а затем (по примеру «старшего брата») и в странах Восточной Европы. Власть, желая обмануть внешний мир и собственное население, обманула и себя, крайне затруднив сколь-нибудь обоснованное планирование.

Противники капитализма, по-видимому, могут поставить ему в вину не менее впечатляющий счет пороков, неудач и преступлений. Но остается неоспоримым фактом то, что проиграл в экономическом соревновании все же социализм. Здесь можно задаться вопросом, в какой степени на результатах этого соревнования сказались неблагоприятные начальные условия, внешняя среда и качества руководства. Ввиду очевидности влияния первых двух факторов остановлюсь вкратце на третьем применительно к СССР, который определял экономическое и политическое развитие и стран Восточной Европы (кроме Югославии). Обращает на себя внимание интеллектуальная слабость высшего государственного руководства СССР после смерти Сталина. В отличие от Мао Цзэдуна, тот очистил советское руководство почти от всех людей, способных теоретически мыслить. Оставшихся (Берия и Молотов, возможно, Шепилов) быстро убрали его преемники. Это, конечно, свидетельствует о слабости социализма, но уже применительно к его политической системе.

Большое место в книге уделяется оценкам попыток реформирования социалистической экономики с целью повышения ее эффективности (см. *Р.* 52—95). Тщательнейшим образом ученый анализирует ход и результаты этих реформ (проводившихся в 1950—1980-е годы и направленных на внесение в командную экономику элементов рынка) на примере Югославии, Польши, Венгрии, ГДР, Китая и СССР. Многое в представленных в тексте сведениях и обобщениях об этих реформах для российского читателя, не занимавшегося самостоятельным научным анализом этих реформ, окажется новым и поучительным. Несмотря на то, что Эллман отмечает некоторое положительное влияние этих реформ (проявившееся везде, кроме ГДР) на экономическое развитие, прежде всего на жизненный уровень населения, в отдельные периоды (во многом объясняемый для стран Восточной Европы щедрыми субсидиями СССР и займами у западных стран в 1960—1980-е годы), общий их результат выглядит скорее отрицательным, что и толкнуло эти страны перейти от частичных реформ к системным капиталистическим изменениям в 1990-е годы.

На этом фоне весьма показательной представляется разница между влиянием «прививок» социализма капитализму, с одной стороны, и, наоборот, «прививок» капитализма социализму, с другой, что обозначалось в свое время термином «конвергенция». Многие ортодоксальные коммунисты в 1970—1980-х годах писали о губительности этих попыток для «реального социализма» и, получается, были правы. Но, возможно, все дело в том, что была применена в корне неправильная стратегия рыночных реформ, что кажется особенно очевидным применительно к СССР.

Ряд экономистов восточноевропейских стран в рамках дискуссии о переходе к конвертируемому рублю в конце 1980-х годов предлагали произвести этот переход в рамках двухуровневой экономики, отделяющей частный сектор от государственного для недопущения паразитирования первого за счет второго. Об этой дискуссии я подробно писал во втором томе своей «Экономической истории России в новейшее время».

Эта глава также выиграла бы от включения в нее данных о динамике ВВП и других макроэкономических показателей, которые повсеместно ухудшались в ходе реформ. Может показаться, что «прививка» капитализма не улучшает социализм, и что следовало, напротив, постепенно устранять оставшиеся и чуждые социализму капиталистические пережитки в виде товарно-денежных отношений. Сторонников этой точки зрения было немало среди ученых социалистических стран в 1930—1980-е годы (в СССР в 1950-е годы среди них были такие крупные ученые, как И. С. Малышев и В. А. Соболев). Такой позиции и сейчас придерживаются некоторые сторонники социализма (например, Л. С. Беляев). Однако попытки перейти к бестоварной и безденежной экономике оказались безуспешными и в период военного коммунизма, и в начале 1930-х годов. Сторонники этой концепции надеялись осуществить ее на новой технической и организационной базе и при более высоком уровне производительных сил. Так или иначе, но до настоящего времени так и не было представлено сколь-нибудь работоспособной схемы такого механизма, что порождает сомнения в ее реализуемости в принципе.

Отмечая пороки «реального социализма», Эллман не склонен зачеркивать результаты великого экономического и социального эксперимента, осуществлявшегося в социалистических странах. Для СССР и Китая он оценивает его результаты прежде всего в исторической перспективе попыток модернизации экономик и обществ этих стран (см. *Р.* 388—389). Он сравнивает советский (и прежде всего — сталинский) период по целям и варварским методам с модернизационными усилиями Петра I, называя те и другие попытки «консервативной модернизацией» (*Р.* 389). Он отмечает, что «большевики, как и Петр Великий, были успешны в усилении военного потенциала и в победе в великих войнах. Однако они потерпели неудачу в обеспечении непрерывного процесса развития. В результате в обоих случаях Россия опять начала отставать от передовых стран». Намного более успешным в осуществлении модернизации оказался постмаоистский Китай, чего не удалось его предшественникам (см. *Р.* 389—340). Впрочем, это произошло уже после отхода от принципов командной экономики.

Место военно-промышленного комплекса в социалистической экономике

Важнейшим достоинством книги Эллмана является то огромное внимание, которое уделяется в ней роли военно-промышленного комплекса в экономике социалистических стран, особенно СССР и Китая. Для живущих в этих странах проблема носила очевидный характер. На Западе

советологи ее очень долгое время не замечали. Только усилиями таких бывших советских граждан, как Игорь Бирман и Давид Штейнберг, которые произвели расчеты реальной величины советских военных расходов, ее значимость стала очевидной в конце 1980-х годов. Тем не менее даже в вышедшей в 1992 году книге Корнаи ни слова не сказано об этой фундаментальной проблеме.

Эллман совершенно правильно обращает внимание на тот факт, что модернизация экономики в России и Китае еще задолго до революции имела в качестве важнейшей цели укрепление военной мощи страны перед лицом военных угроз извне. Именно с ограниченностью успехов в модернизации экономики и нехваткой вооружения Эллман связывает поражение России в Первой мировой войне, которое привело к Февральской революции 1917 года (см. *Р. 96—97*). Огромные усилия советского руководства по наращиванию индустриальной и военной мощи в 1930-е годы Эллман считает вполне оправданными (см. *Р. 7—8*). Как можно понять, это же относится и к периоду до 1956 года, когда советское руководство считало возможным вражеское нападение на СССР (см. *Р. 97*). Эллман совершенно справедливо считает огромные военные расходы важнейшим фактором того, что СССР, в отличие от Японии, военные расходы которой после Второй мировой войны были ничтожными, не смог догнать крупнейшие капиталистические страны в гражданском секторе (см. *Р. 7—8*). Столь же оправданными, как в СССР, он считает и изначальные усилия по военной модернизации страны в маоистском и постмаоистском Китае.

С какого времени военные усилия СССР стали чрезмерными? Эллман указывает на 1970-е и 1980-е годы (см. *Р. 131*). Я полностью с этим согласен. Уже в 1960-х СССР обеспечил военный баланс с США, и с этого времени наращивание военных расходов стало излишним, разорявшим экономику страны. В неспособности понять это обстоятельство сказалась интеллектуальная ограниченность советского руководства того периода (в отличие, кстати, от китайского). Очень интересными (в том числе для меня самого) оказались приводимые в книге данные о изменении доли гражданской и военной продукции китайской военной промышленности в 1978—1997 годах: доля гражданского производства с 8 процентов в 1978-м, когда была смещена «банда четырех», до 84,5 процента в 1997-м, неуклонно повышаясь из года в год (см. *Р. 88*). Произошла подлинная конверсия, чего не удалось сделать России ни в годы перестройки, ни в постсоветский период.

В главе о военно-промышленном комплексе, являющейся одной из лучших в книге, Эллман очень подробно и с огромным знанием дела рассматривает и многие другие аспекты планирования и функционирования этого комплекса: работу оборонного сектора Госплана СССР, мобилизационного планирования экономики, планирование импорта технологий для нужд ВПК, систему военной приемки на оборонных предприятиях, влияние военных соображений на размещение промышленности, организацию проектирования военной техники, закрытые города, определение потенциальных врагов и их военного потенциала, экономические причины победы СССР во Второй мировой войне. Мо-

жет показаться, что это огромное внимание к военно-промышленному комплексу СССР в книге носит чрезмерный характер. Я так не считаю. ВПК являлся сердцевинной советской экономики. Без его многообразного влияния невозможно ничего понять в развитии народного хозяйства СССР на его различных этапах. Элман проявил большую проницательность, придав (в отличие от большинства западных советологов и специалистов по реальному социализму) этому аспекту должное место в своем анализе.

Столь же оригинальной и содержательной, как раздел о военно-промышленном комплексе, является глава о планировании международной торговли. Но из-за недостатка места я не имею возможности разобрать ее содержание достаточно полно.

Когда государственное планирование оказывается необходимым и полезным

Некоторые утверждения, содержащиеся в книге, позволяют утверждать, что Элман считает социалистическое планирование исключительно прошлым мировой экономической истории. Об этом говорит, например, помещенная в начале книги хронологическая таблица, начинающаяся учреждением в 1921 году Госплана РСФСР и заканчивающаяся упразднением последнего планового органа во Франции и вступлением бывших социалистических стран в ЕС и ВТО, которое скорее всего выходит за пределы просто исторической справки (см. Р. XII—XIII). Тем не менее более внимательное изучение книги, на мой взгляд, приводит к противоположному выводу.

Для того чтобы понять это, достаточно правильно интерпретировать ту же историческую справку. Плановые органы возникали в периоды глубоких структурных кризисов, *из которых в силу слабого развития капитализма или срочной необходимости (например в результате войн)* было либо невозможно, либо крайне трудно выйти, опираясь исключительно на рыночные механизмы. Сказанное относится не только к социалистическим странам, для которых в возникновении планирования огромную роль играли идеологические, доктринальные соображения. Плановые органы возникли не только в социалистических, но и во многих развивающихся и даже в капиталистических странах, включая США в 1930-е годы после кризиса 1929—1932 годов.

Они окрепли в развитых капиталистических странах в период Второй мировой войны, сыграли важную роль в восстановлении экономики после нее. Напомню о вкладе знаменитого «плана Монне» (будущего вдохновителя создания Европейского сообщества) и плановой комиссии, возглавлявшейся им же, в восстановлении французской экономики³. Вспомним также о пятилетних планах Японии и Южной Кореи и их огромной роли в модернизации соответствующих экономик и т. д. При

³ См. Монне Ж. Реальность и политика. М., 2001. С. 284—323. Изложенный там опыт составления французских планов заслуживает, по моему мнению, самого тщательного изучения.

всех огромных недостатках планов во многих развивающихся странах они тоже во многих случаях сыграли положительную роль в структурной перестройке экономики этих стран. Плановые органы и планы в указанных странах ликвидировали, полагая, что они сыграли свою положительную роль и недостатки их деятельности превысили достоинства. Но кто сказал, что необходимость скорейшей структурной перестройки экономики, для которой недостаточно рыночных сил, исчезла везде и навсегда? Это означало бы допустить, что навсегда исчезли войны и необходимость подготовки к ним, что никогда не возникнет проблемы обеспечения экономических условий их ведения и послевоенного восстановления. Что капиталистические институты достаточно созрели для преодоления накопившегося экономического и структурного отставания (хотя бы в современной России). И всегда ли своевременными оказывались меры по упразднению плановых органов во многих развивающихся странах? Может быть, кое-где следовало задуматься не об упразднении, а о совершенствовании их деятельности?

Книга Элмана является очень крупным вкладом в неугасающую дискуссию об относительных достоинствах капитализма и социализма, планирования и рынка. Сторонник каждой точки зрения найдет в ней аргументы в защиту своей позиции. Это говорит об объективном и научном характере работы. Возможно, она подтолкнет к развитию более продуманной и реалистической теории социализма. Хотя Элман нигде прямо не высказывается по вопросу о целесообразности отказа (а не совершенствования) от социалистического планирования в странах Восточной Европы и СССР, некоторые места в тексте косвенно обозначают его позицию. Так, в книге скорее всего не случайно, и не только в целях объективности, приводятся данные опроса общественного мнения в Венгрии, где рыночные реформы, кроме Югославии, проводились дольше всего и, как полагают многие, наиболее успешно. Согласно полученным данным, в 2009 году разрыв между сторонниками и противниками перехода к капитализму оказался минимальным: 46 и 42 процента соответственно (см. Р. 66).

Огромные неудачи социализма в XX веке вовсе не означают исчерпанности его возможностей. Капитализм XVIII — первой половины XIX века был ужасен для большинства населения, но постепенно, во многом, благодаря социалистическому движению и влиянию СССР, стал облагораживаться. Почему же следует исключить подобную возможность применительно к социализму? Полезно поразмыслить и о том, выиграл ли мир от крушения социализма вместо его реформирования. Стал ли он более безопасен? Не пришлось ли пожертвовать многими социальными завоеваниями?

Я считаю, весьма важным скорейший перевод книги на русский язык. Приводимые в ней теоретические положения, факты и методы исследования помогут значительно поднять уровень экономической науки в России, дискуссий о социализме и изучения экономической истории СССР. ◆